

Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам Законодательной комиссии 1767 года.

III ¹⁾.

Проблема народного образования в законодательной комиссии 1767 года преломилась сквозь призму строгой сословности, которой, как известно, насыщена была атмосфера русской общественной жизни XVIII века. Застрельщиками в этом вопросе, как и следовало ожидать, были дворяне, среди которых особенно широко распространены были элементы сословного самосознания. Это желание иметь школу только для себя было настолько общепризнанным положением того времени, что оно красной нитью проходит через громадное большинство депутатских наказов и находит себе громкий отклик в коммиссионных речах и заявлениях. При этом особенно настойчиво избиратели 1767 года подчеркивают необходимость приблизить к себе школу, иметь ее не только в губернских и в провинциальных городах, но даже в уездных и в наиболее значительных населенных пунктах уезда. И насъ заявления подобнаго рода не должны удивлять, потому что къ моменту созыва законодательной комиссиі, дворянство широкой волной отлило изъ центра къ периферіи, изъ гвардейскихъ полковъ и коллежскихъ канцелярій въ свои родовыя дворянскія гнѣзда, воспользовавшись освобожденіемъ отъ обязательной службы по манифесту 1762 года. На мѣстахъ въ началѣ царствованія Екатерины уже успѣло образоваться про-

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1915 г.

винціальное общество со своими запросами и интересами, и въ нѣдрахъ этого общества стала зарождаться потребность въ извѣстной культурной обстановкѣ, въ которой первое мѣсто, конечно, должна была занимать школа. „Взирая на толь высокоmaterнія Ея Величества ко всѣмъ вѣрноподаннымъ изливаемыя щедроты и милости“, говорятъ Сумскіе дворяне, отмѣчая правительственныя заботы въ сферѣ народнаго образованія, — „необходимо нужно есть представить и о семъ, чтобъ повелѣно было и въ вѣдѣшемъ городѣ учредить училищи: первое—для благороднаго дворянства, второе—для церковническихъ подяческихъ, мѣщанскихъ и протчихъ тому подобныхъ дѣтей, и обучать оныхъ такъ, какъ въ учрежденномъ въ Москвѣ Императорскомъ Университетѣ и въ городскихъ протчихъ училищахъ предписано“¹⁾. Однако такъ говорили далеко не всѣ избиратели; въ громадномъ большинствѣ случаевъ каждое сословіе просило о школахъ исключительно лишь для себя. Въ этомъ отношеніи характернымъ является заявленіе Бѣлевскихъ дворянъ. „Дабы соблаговолено было“, читаемъ мы въ ихъ наказѣ—„сверхъ учрежденныхъ нынѣ кадецкихъ корпусовъ и уневерситету, учредить въ нашемъ городѣ школу, въ коихъ и обучать однихъ дворянскихъ дѣтей, не примѣшивая другихъ родовъ, дабы они подлостью заражены при самомъ своемъ воспитаніи не были“²⁾.

Эти дворянскія школы должны были удовлетворять тѣмъ минимальнымъ запросамъ на образованіе, которые обнаруживались въ провинціальной общественной средѣ. Такъ, напр., Костромскіе дворяне, набросавъ самую безотрадную картину времяпрепровожденія дворянскихъ недорослей, пишутъ въ своемъ наказѣ, чтобы „для сохраненія таковыхъ, и что бы оны вмѣсто гибели на пользу государству и годны для службы Ея Величеству быть могли, Костромское дворянство всеподданнѣйше просить, чтобы материнское Ея Императорскаго Величества возрѣніе на таковыхъ быть могло и для воспитанія и обученія ихъ грамотѣ и первымъ хотя основаніямъ математики и чужестранныхъ языковъ, а паче для пристойнаго ихъ воспитанія повелѣть учредить по губернскимъ и провинціальнымъ городамъ школы или семинаріи, въ которыхъ бы небогатыя дворянскія дѣти воспитываться и сказаннымъ наукамъ обучаться могли“³⁾. О такихъ элементарныхъ дворянскихъ школахъ про-

¹⁾ Ibid., т. 68, стр. 276.

²⁾ Ibid., т. 68, стр. 610—611.

³⁾ Ibid., т. IV, стр. 246.

силы въ 1767 году дворяне цѣлаго ряда уѣздовъ, какъ-то: Калужскаго, Кашинскаго, Новгородскаго, Курскаго, Смоленскаго, Рязскаго, Верейскаго и др. ¹⁾). Эти школы должны были быть „по близости“, „въ каждомъ городѣ или провинціи, выбирая такой городъ, который въ серединѣ той провинціи ²⁾“. Въ первую очередь вновь учреждаемыя школы обязаны были удовлетворять потребности неимущихъ элементовъ дворянскаго сословія „чтобы всѣ дворянскія дѣти, какъ по бѣдности своей въ домахъ обучаться и за дальностью въ учрежденныя училища ѣхать не могутъ“, говорятъ избиратели Бѣлгородскаго уѣзда— „въ тѣхъ же городахъ обучились какъ словесному и письменному, такъ и прочимъ пристойнымъ наукамъ къ дворянству“ ³⁾. Алаторскіе дворяне указываютъ прямо, что въ такія училища слѣдуетъ „принимать таковыхъ, за которыми ихъ малолѣтнихъ родителями не болѣе ста душъ“ ⁴⁾. Да и дѣйствительно такіе помѣщики при скудости своего достатка были поставлены въ очень трудное, почти неразрѣшимое положеніе, когда подрастали дѣти и когда передъ ними вставалъ вопросъ о необходимости дать имъ надлежащее образованіе. „Многіе дворяне“, читаемъ въ Кашинскомъ наказѣ— „своихъ дѣтей бѣдности ради не токмо на своемъ коштѣ обучать, но и въ опредѣленныя для дѣтей школы за дальностью отвозить не могутъ; да и нерѣдко случается и то, что и въ тѣхъ мѣстахъ за полнымъ комплектомъ не принимаютъ; отчего дворянскія дѣти многія, а особливо недостаточныя, или воспитываемыя нерадивыми отцами, а иныя за сиротствомъ остаются безъ всякаго ученья“ ⁵⁾.

Подъ часъ такимъ бѣднымъ дворянамъ, прямо, нечѣмъ было содержать своихъ дѣтей въ учебномъ заведеніи, и они, въ силу недостатка средствъ, должны были оставаться безъ образованія. Вотъ почему среди нѣкоторыхъ избирателей возникала мысль объ образованіи по уѣздамъ на казенный счетъ своего рода дворянскихъ пансіонъ-пріютовъ. „Внутри Бѣжецкой пятины имѣется нѣсколько бѣдныхъ и неимущихъ малолѣтнихъ дворянъ, которые, приходя въ возрастъ, на своемъ коштѣ обу-

¹⁾ Ср. *ibid.*, т. 4, стр. 289; *ibid.*, т. 4, стр. 486; *ibid.*, т. 14, стр. 330; *ibid.*, т. 68, стр. 549 и *ibid.*, т. 14, стр. 422; *ibid.*, т. 68, стр. 388; *ibid.*, т. 4, стр. 387.

²⁾ *Ibid.*, т. 4, (наказъ Кашинскаго дворянства), стр. 486; *ibid.*, т. 14 (наказъ Галицкаго дворянства), стр. 495; *ibid.*, т. 14. (Наказъ Паренъскаго дворянства), стр. 489—490.

³⁾ *Ibid.*, т. 68, стр. 658.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 116.

⁵⁾ *Ibid.*, т. 4, стр. 468.

чаться не могут“, читаемъ въ одномъ изъ наказовъ Новгородскаго уѣзда—„того ради просить, чтобъ была учреждена при губерніи школа, или знатныхъ погостовъ училищныя дома, и тѣмъ бы дворянамъ на содержаніе ихъ милостивно пожалованы были одежда и питомство“¹⁾. Однако, въ другихъ мѣстностяхъ вопросъ о такихъ пріютахъ не подымался и дворянамъ даже казалось вполне естественнымъ содержать своихъ дѣтей на собственный счетъ, если только школы будутъ находиться поблизости отъ постоянного ихъ мѣстожительства. Такъ, напр., Курскіе дворяне возбуждаютъ ходатайство о томъ, чтобы „въ губерніяхъ и провинціяхъ и въ другихъ знатныхъ городахъ, усматривая, гдѣ дворянъ противъ прочихъ состоитъ довольнѣе, учреждены бы были учителя въ тѣхъ наукахъ искусныя и рачительныя на казенномъ однихъ оныхъ учителей содержаніи, а дворянскія дѣти, будучи при томъ обученіи по близости къ своимъ домамъ, смогутъ себя содержать собственно отъ оныхъ своихъ домовъ безъ употребленія на нихъ казеннаго кошта“²⁾. Съ довольно оригинальнымъ предложеніемъ выступаютъ Дорогобужскіе помѣщики, возбуждающіе ходатайство объ открытіи въ ихъ городѣ дворянскаго училища, въ которомъ учителю быть на жалованьи, а дворянскихъ дѣтей недостаточныхъ, хотя на одномъ провіантѣ, по ихъ неимуществу обучать; въ томъ же домѣ содержать печатныя книги, происходящія изъ академической, университетской и прочихъ учрежденныхъ типографій, которымъ въ пользу обучающагося юношества будетъ продажа“³⁾.

Свои сословныя школы провинціальное дворянство отдавало въ руки мѣстнаго начальства, и это, пожалуй, являлось вполне послѣдовательнымъ, такъ какъ уѣздной администраціи большая часть дворянъ 1767 года стремилась придать чисто сословный характеръ. Этимъ путемъ, вѣроятно, могъ быть культивированъ въ школѣ болѣе тщательно сословно дворянскій духъ, такъ какъ она входила какъ бы составною органическою частью въ общую массу мѣстныхъ привилегированныхъ дворянскихъ учреждений“. „И чтобы оное училище“, читаемъ въ наказѣ Тульскаго уѣзда—

¹⁾ Ibid., т. 14, стр. 359.

²⁾ Ibid. т. 68, стр. 549. Почти съ аналогичнымъ предложеніемъ выступаютъ дворяне Тверскаго уѣзда, которые въ своемъ наказѣ просятъ о томъ „не соблаговолено ли будетъ въ городѣ Твери учредить на казенномъ коштѣ училище съ пристойнымъ числомъ учителей; а учениковъ содержать дворянамъ на своемъ коштѣ“. (Ibid. т. 14, стр. 327).

³⁾ Ibid., т. 14, стр. 433.

„состояло подъ вѣдомствомъ того же начальника, который и въ городѣ судъ и расправу чинить будетъ“¹⁾, а Калужскіе и Медынскіе помѣщики предлагаютъ отдать сословную школу „подъ смотрѣніе дворянскаго суда“²⁾. Въ такія формы отливалась организація сословной школы элементарнаго типа въ сознаниі сѣрой рядовой провинціальной, дворянской массы, съѣхавшейся на выборы весною 1767 года.

На школу она смотрѣла преимущественно съ практической, утилитарной точки зрѣнія, хотя въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ дворянъ избирателей школа должна была имѣть общее гуманизирующее вліяніе на дѣтей, а благодаря своему сословному характеру, укрѣплять въ нихъ чувства дворянскаго достоинства. Такъ Калужскіе дворяне, говоря о цѣляхъ и задачахъ образованія „за главное почитали, чтобы тому юношеству въ молодыхъ ихъ лѣтахъ чтеніемъ внушить отъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества власти къ блаженству подданныхъ ея установленные законы, дабы оныя познаніемъ сихъ ко отправленію наложенной впредь на нихъ должности достойными себя учинили, да и отъ преступленія, которое иногда и по одному невѣдѣнію бываетъ, спасти себя могли“³⁾. По мнѣнію Костромичей въ школьной выучкѣ особенно нуждаются дворянскіе недоросли, которые благодаря школѣ „вмѣсто гибели, на пользу государству и годны для службы Ея Величеству быть могли“⁴⁾. Бѣлевцы же выдвигаютъ на первый планъ сословно служебную точку зрѣнія. Школа по ихъ словамъ нужна для того „что бы дворянство къ достиженію своей славы, къ воинской службѣ Ея Императорскаго Величества наиспособнѣйшимъ себя предъ прочими отличали“⁵⁾. Еще большими утилитаристами являются въ нашихъ глазахъ дворяне Шелонской пятины и Опочецкаго уѣзда. Первые изъ нихъ путемъ образованія желаютъ „избавиться отъ солдатской службы, а вторые ходатайствуютъ о томъ, чтобы дворяне, окончившіе правительственную школу, или сдавшіе экзаменъ при кадецкомъ корпусѣ, награждались оберъ-офицерскими чинами“⁶⁾. Но какія бы цѣли и задачи учрежденіемъ элементарной школы дворяне ни преслѣдовали, все-таки весьма отраднымъ явленіемъ было то, что подъ часъ изъ весьма

¹⁾ Ibid., т. 4, стр. 289.

²⁾ Ibid., стр. 405.

³⁾ Ibid., т. IV, стр. 246.

⁴⁾ Ibid., стр. 289.

⁵⁾ Ibid., т. 68, стр. 610.

⁶⁾ Ibid., т. 14, стр. 275, 341.

далекихъ, прямо, медвѣжьихъ угловъ раздавались пожеланія имѣть по близости доступную и дешевую школу. Въ этомъ нельзя не видѣть извѣстнаго шага впередъ по пути общаго культурнаго подъема страны, и очевидно, дворяне въ своей массѣ къ началу царствованія Екатерины II ясно сознавали цѣнность и значеніе образованія вообще. Если прежде правительству приходилось насаждать чуть ли не насильственными мѣрами самыя примитивныя школы въ провинціи, то теперь уже очень многіе дворяне добровольно, безъ всякаго принужденія и при томъ на свой счетъ стремились дать дѣтямъ образованіе. Имъ только часто хотѣлось при этомъ, чтобы ихъ дѣти, получивши домашнее образованіе, уравнины были въ правахъ и преимуществахъ съ тѣми, кому удавалось кончить правительственную школу. Такъ для того, чтобы „возстановить охоту дворянъ къ обученію на своемъ коштѣ дѣтей своихъ“¹⁾, дворянскіе избиратели Псковскаго уѣзда—„всеподданнѣйше просили, не повелѣно ли будетъ вступающихъ въ настоящую службу Ея Императорскаго Величества экзаменовать съ выпускными изъ корпусовъ, обучившимися на казенномъ содержаніи, и кои окажутся въ наукахъ съ тѣми равные таковыхъ награждать офицерскими чинами, противъ выпускныхъ изъ училищъ“²⁾.

Почти буквально ту же мысль проводятъ въ своемъ наказѣ и Опочецкіе дворяне³⁾. Точку зрѣнія дворянъ этихъ обоихъ уѣздовъ раздѣляла и Герольдмейстерская контора—это высшее правительственное учрежденіе, вѣдавшее со времени Петра Великаго всѣхъ служилыхъ людей въ государствѣ. „Для поощренія къ полезнымъ наукамъ молодыхъ дворянъ и прочихъ всякаго чина, исключая крѣпостныхъ“, читаемъ мы въ ея наказѣ—„не благоволено ли будетъ сдѣлать такое положеніе, чтобъ, если кто,

¹⁾ и ²⁾ Ibid., т. 14, стр. 400.

³⁾ Приводимъ полностью соответствующее мѣсто изъ наказа дворянъ Опочецкаго уѣзда: „дабы отнынѣ каждый дворянинъ, обученный российской грамотѣ, хорошо читать и писать, тако-жъ ариметикѣ, геометріи и нѣсколько российской географіи, вступалъ въ службу прямо въ оберъ-офицеры; тѣ же дворяне, кои обучены будутъ на своемъ коштѣ разнымъ чужестраннымъ языкамъ и экзерциціямъ, дабы при вступленіи на службу награждались по знаніямъ и наукамъ подпоруческими и поруческими чинами; все же справедливѣй экзаменовать дворянъ вмѣстѣ съ выпускаемыми изъ кадетскаго корпуса кадетами и равныхъ съ оными знаніемъ и достоинствами по крайней мѣрѣ равными же награждать чинами; по надлежащему же обучившіеся дворяне на своемъ коштѣ и истратившіе на то великое иждивеніе имѣть могутъ претензію преимуществовать предъ обучившимися на казенномъ содержаніи“. Ibid. т. 14, стр. 275.

а особливо изъ дворянъ, собственнымъ своимъ иждивеніемъ обучится иностраннымъ языкамъ и прочимъ нужнымъ и полезнымъ для общества наукамъ, таковыхъ въ тѣхъ наукахъ свидѣтельствовать, гдѣ надлежитъ, и, когда явятся, что подлинно въ какомъ-либо родѣ наукъ успѣли, опредѣлять ихъ въ службу по желаніямъ, давая имъ за обученіе собственнымъ своимъ иждивеніемъ полезныхъ наукъ во всѣхъ командахъ, куда способны явиться, чины оберъ-офицеровъ“¹⁾.

Если псковскіе и опочецкіе дворяне являлись горячими и убѣжденными сторонниками системы домашняго образованія, то избиратели другихъ уѣздовъ стояли, наоборотъ, за казенную школу и при томъ обычнаго для XVIII вѣка типа шляхетскаго кадетскаго корпуса. „Чтобы къ Московскому и ближнему внутреннимъ провинціямъ дворянству“, читаемъ мы въ наказѣ Московскаго уѣзда, „такая же Высочайшая милость показана была, какая уже въ Санктпетербургѣ дѣйствительные плоды приносить начинаетъ, учрежденіемъ въ здѣшной столицѣ... Кадетскаго корпуса для молодыхъ дворянъ“²⁾. За учрежденіе въ Москвѣ новаго шляхетскаго корпуса, „на основаніи указа 1731 года“, высказался въ своей рѣчи и кашинскій депутатъ Кожинъ въ 25-омъ засѣданіи большой комиссіи 19 сентября 1767 года, при чемъ онъ аргументировалъ свое предложеніе: 1) тѣмъ, что „хотя въ Петербургскомъ шляхетскомъ корпусѣ по повелѣнію Императрицы и обучается дворянское юношество отъ самаго молодого возраста, но по множеству въ государствѣ дворянства одного такого учрежденія недостаточно“³⁾, и 2) тѣмъ, что „недостатокъ порядочныхъ учителей совершенно препятствуетъ давать дома добронравное и приличное дворянскому званію воспитаніе“⁴⁾. Это новое привилегированное учебное заведеніе должно было являться оплотомъ строгой сословности и въ него, по предложенію Кожина, „слѣдовало принимать дворянскихъ дѣтей не иначе, какъ по свидѣтельству герольдіи“. „А ежели кто какимъ-нибудь случаемъ“, говорилъ онъ въ своей рѣчи— „и будетъ опредѣленъ въ корпусъ, но окажется не имѣющимъ⁵⁾ дворянскаго достоинства, то его оттуда немедленно исключать“. Этой мѣрой Кожинъ клалъ рѣзкую грань между благородствомъ и подлостью. Поборниками закрытаго дворянскаго

¹⁾ Ibid., т. 43. стр. 142—143.

²⁾ Ibid., т. 4, стр. 231.

³⁾ Ibid., т. 4, стр. 172.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid., т. 4, стр. 172—173.

учебнаго заведенія типа шляхетскаго корпуса оказались дворяне и Малороссійскихъ уѣздовъ. „Не меньше того полезно быть имѣеть здѣшнему шляхетству“, читаемъ въ наказѣ Переяславскаго шляхетства—„ежели Ея Императорское Величество соблаговолитъ учредить въ Малой Россіи корпусъ шляхетскій“¹⁾. О томъ же пространно проситъ въ своемъ наказѣ и Черниговское шляхетство, которое полагаетъ, что во вновь учрежденномъ корпусѣ „малороссійскимъ дворянамъ, какъ нужное для утвержденія ихъ въ добронравіи воспитаніе, такъ и ученіе всему тому, что благородному человѣку въ военной и статской службахъ и сообществѣ гражданскомъ полезно быть можетъ, дано было“²⁾. При этомъ весьма цвѣтистымъ и велерѣчивымъ языкомъ составители черниговскаго наказа стараются аргументировать цѣлесообразность учрежденія сословнаго учебнаго заведенія „для просвѣщенія нравовъ народныхъ, искорененія невѣжества и въ разсужденіи того, что безъ добраго воспитанія нельзя быть искуснымъ и храбрымъ военначальникомъ, мудрымъ государственнымъ служителемъ, справедливымъ судьей гражданамъ общества“³⁾.

Но на-ряду съ сословными школами полувоеннаго типа дворянской массѣ середины XVIII вѣка не чужда была мысль о школѣ общеобразовательной, которая являлась бы ступенью къ полученію высшаго образованія. Такъ, напр., Ахтырскіе дворяне просили о томъ, чтобы „повелѣно было изъ здѣшняго дворянства принимать дѣтей въ Харьковскій коллегіумъ, какъ къ приведенію наукъ, такъ и къ воинской потребности способными“⁴⁾. Этотъ коллегіумъ былъ полудуховнымъ, полусвѣтскимъ учебнымъ заведеніемъ, который, по словамъ проф. Д. И. Багалъя, „и по программѣ, и по составу учащихся представлялъ изъ себя тогда все сословное учебное заведеніе, образцово поставленное и пользовавшееся симпатіями всего общества“⁵⁾.

Объ общеобразовательной школѣ высказаны были заботы и въ другой русской окраинѣ—въ Прибалтійскомъ краѣ. Такъ дворянство и рыцарство Эстницкаго уѣзда въ Лифляндіи просило о возстановленіи „бывшей въ Лифляндіи въ шведскія вре-

¹⁾ Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г., стр. 40.

²⁾ Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г., стр. 14.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid., т. 68, стр. 257.

⁵⁾ Д. И. Багалъя: „Очерки изъ Русской Исторіи“, т. II, стр. 158.

мена академіи или сначала общему юношеству почти еще полезнѣйшей гимназіи“¹⁾).

Если подобнаго рода желанія высказывались дворянами юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній, гдѣ сильно было вліяніе иноземной культуры, то въ этомъ почти нѣтъ ничего удивительнаго. Но когда о томъ же говоритъ дворянство одного изъ центральныхъ уѣздовъ, принадлежащаго къ старому Замосковному краю, то это въ нашихъ глазахъ можетъ служить признакомъ значительнаго культурнаго развитія мѣстнаго провинціального общества.

Очевидно, потребность въ образованіи въ такихъ уѣздахъ уже довольно сильно начала сказываться ко времени созыва законодательной комиссіи. Вотъ съ какимъ проектомъ, напр., выступили Тульскіе дворяне. Въ каждомъ, или по крайней мѣрѣ, провинціальномъ городѣ учредить небольшія гимназіи, къ чему надлежащее число, а именно одного профессора и двухъ ему помощниковъ... опредѣлить... черезъ что возрастающее и умножающееся юношество подъ высокимъ покровительствомъ безъ всякаго отягощенія своихъ отцевъ и матерей, избѣгая при томъ излишняго убытка свободно не токмо въ посредственныхъ науки войти могутъ, но и къ дальнѣйшему изъ оныхъ окончанію въ Императорскомъ Университетѣ и Академіи способными учинятся“²⁾).

Поборникомъ общаго образованія для провинціального дворянства въ самой комиссіи явился извѣстный кн. М. М. Щербатовъ. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ убѣдительно доказывалъ необходимость заведенія въ Сибири школъ „нужнѣйшихъ наукъ“, при чемъ „тѣхъ изъ обучающихся въ сихъ школахъ, которые покажутъ отличное прилежаніе и подадутъ надежду, что могутъ быть способны къ высшему образованію, по ихъ желанію и съ позволенія родителей ихъ“, онъ предлагалъ—присылать въ Академію Наукъ и Университетъ для окончанія наукъ“³⁾. То, что было уже предпринято правительствомъ въ дѣлѣ болѣе правильной постановки народнаго образованія въ странѣ, находило себѣ живой откликъ въ сердцахъ провинціального дворянства. Во многихъ наказахъ мы читаемъ цѣлые панегирики Императрицѣ Екатеринѣ за ея заботы о школахъ и просвѣщеніи. „Всему свѣту извѣстно, сколь великое Ея Импе-

¹⁾ Ibid., т. 68, стр. 72.

²⁾ Ibid., т. IV, стр. 405.

³⁾ Ibid., т. 4, стр. 172.

раторскаго Величества и неусынное попеченіе о просвѣщеніи російскаго юношества черезъ обученіе въ свободныхъ наукахъ“¹⁾, заявляетъ въ своемъ наказѣ Глуховское шляхетство. Въ еще болѣе высокопарныхъ выраженіяхъ выясняютъ свое отношеніе къ школьной политикѣ Екатерины II Тульскіе дворяне: „Изъ всѣхъ, выдаваемыхъ въ народъ отъ Ея Императорскаго Величества съ самаго восшествія на Всероссійскій престолъ, всеми-лостивѣйшихъ указовъ и высочайшихъ материнскихъ намѣреній“, говорятъ они въ заключительной части своего наказа— „мы, вѣрноподанные рабы, усматривать должны, до коеликой степени простираются Ея Императорскаго Величества высочайшія намѣренія о возстановленіи правосудія, не меньше же и наукъ, принадлежащихъ не токмо къ благородному шляхетству, но и простирающіеся до всѣхъ разночинцевъ, учрежденіемъ разныхъ училищъ въ первопрестольныхъ городахъ Санктпетербургѣ и Москвѣ“²⁾.

Нѣкоторые наиболѣе экспансивные представители дворянскаго сословія рисовали себѣ самую радужную перспективу благодѣтельныхъ послѣдствій благотворныхъ заботъ правительства въ дѣлѣ народнаго образованія. „А по городамъ вездѣ будутъ гимназіи на собственномъ содержаніи дворянскомъ“, восклицаютъ не безъ пафоса Псковскіе дворяне— „каждый охотно, не жалѣя иждивенія, обучать будетъ дѣтей; и всѣ мѣста военныя и статскія наполнятся хорошими и просвѣщенными людьми; въ Россіи жъ вездѣ науки черезъ короткое время размножатся по примѣру знатнѣйшихъ городовъ“³⁾. Какъ во всѣхъ вообще панегирикахъ и диэирамбахъ, въ этихъ словахъ была значительная доля преувеличенія, но все-же нельзя отрицать благотворнаго вліянія казенной школы на дворянскую молодежь того времени. Наказы 1767 года иногда прямо отмѣчаютъ тѣсную связь между насажденіемъ новыхъ школъ и повышеніемъ нравственнаго уровня русскаго общества XVIII вѣка.

Вотъ, напр., какъ констатируютъ вліяніе школы на жизнь дворяне Сумскаго уѣзда: „какъ во многихъ, состоящихъ подъ высокою державою Ея Императорскаго Величества, городѣхъ учреждены воспитываемыхъ дворянствомъ и протчегו званія дѣтямъ училища, отъ которыхъ и немалой плодъ отечеству приносится, а невѣжды и развращенные нравы, суевѣрія, рас-

¹⁾ Наказы Малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. Изд. Кіевской Старины. Кіевъ 1889 г. стр. 6.

²⁾ Ibid., т. 4, стр. 406.

³⁾ Ibid., т. 14, стр. 401.

колы и прочее тому подобное совсѣмъ къ сожитію благоправнаго народа непотребное истребляетца“¹⁾.

Въ виду преобладанія натурально-хозяйственныхъ отношеній въ экономической жизни страны русскій городъ XVIII вѣка не былъ сколько-нибудь крупнымъ торговопромышленнымъ центромъ и все его значеніе, можно сказать, исчерпывалось чисто административными функціями. По своему образу жизни и хозяйственнымъ занятіямъ городское населеніе мало чѣмъ отличалось отъ деревенской крестьянской массы. Однако, все-же въ нѣкоторыхъ городскихъ населенныхъ пунктахъ, благодаря природнымъ и историческимъ условіямъ, въ XVIII вѣкѣ уже можно наблюдать слабыя завязи торговыхъ и промышленныхъ отношеній. Кое-гдѣ, благодаря строго покровительственной системѣ, положенной въ основу нашей экономической политики со времени Петра Великаго, города начинаютъ приобрѣтать индустриальный отпечатокъ. Въ столицахъ же, а также въ пограничныхъ и приморскихъ городахъ можно наблюдать довольно значительные успѣхи во внутренней и внѣшней торговлѣ. Благодаря этимъ новымъ явленіямъ, среди городскихъ обывателей къ началу царствованія Екатерины II стала наблюдаться нѣкоторая корпоративная сплоченность и обнаруживаться стремленіе въ той или иной степени отмежеваться отъ другихъ сословій.

А разъ въ сознаніи городского населенія элементы сословной организациі стали находить себѣ мѣсто, то вполне естественно, что и въ школьномъ дѣлѣ эта точка зрѣнія начала превалировать. „А тѣмъ школамъ и сиропитательнымъ домамъ быть только жъ для одного купечества, а не для какого другого званія людей и состоять въ вѣдомствѣ магистрата“²⁾, говорятъ, напр., въ своемъ наказѣ городскіе избиратели Соликамска. Жители г. Рязска высказываются почти въ томъ же смыслѣ: „и быть имъ (школамъ и учителямъ) на казенномъ иждивеніи въ вѣдомствѣ однихъ только магистратовъ, другимъ же никакимъ правительствамъ и званія людямъ въ нихъ никакой власти не имѣть“³⁾.

Отстаивая школу сословнаго типа, нѣкоторые наиболѣе культурные элементы городского населенія подымались до высоты сознанія цѣнности и полезности образованія вообще. Такъ, напр., во время обсужденія въ комиссіи законовъ о купечествѣ, когда

¹⁾ Ibid., т. 68, стр. 276.

²⁾ Ibid., т. 107, стр. 537.

³⁾ Ibid. 144 т. стр. 251.

пренія коснулись вопроса о нерадѣннн приказчиковъ и даже прямого обмана съ ихъ стороны, депутатъ г. Симбирска, Ларионовъ въ пространной рѣчи вскрылъ основныя причины той атмосферы лжи и обмана, которая царила въ торговопромышленной средѣ. „Все это“, говорилъ онъ въ 100-мъ засѣданіи 19-го марта 1768 года—„происходитъ отъ невѣжества и неученія“. И онъ горячо и убѣдительно доказывалъ въ своей рѣчи „какъ необходимо быть у купечества училищу“ и „какое великое дѣло, чтобы купеческія дѣти были ученые“. Правильность своей точки зрѣнія онъ отстаивалъ тѣмъ соображеніемъ, что „отъ пяти до пятнадцати лѣтъ“ дѣти изъ купеческой среды „имѣютъ праздное время, которое наиболѣе проводятъ въ играхъ, тогда какъ, будучи въ училищѣ, они могли бы пріобрѣсти себѣ много пользы“¹⁾. Заботы объ организаціи этихъ купеческихъ школъ слѣдуетъ возложить на города. Вотъ, напр., съ какимъ предложеніемъ выступилъ 28-го сентября 1767 года въ 30-мъ засѣданіи депутатъ Любимскаго дворянства, Толмачевъ: каждый городъ „по числу своихъ гражданъ и по способности мѣста“ долженъ принять на себя „обязанность обучать своихъ обывателей разнымъ мастерствамъ“²⁾. Находятся же эти школы должны были въ вѣдѣнн магистратовъ и ратушъ, какъ органовъ сословнаго управленія³⁾.

Системѣ обученія составители нѣкоторыхъ городскихъ наказовъ стремились придать принудительный характеръ, „чтобы ни одинъ купеческой и цеховой сынъ, неумѣющій грамотѣ, не былъ и по міру не ходилъ“⁴⁾, какъ говорятъ въ своемъ наказѣ жители города Вязьмы. Но особенно обстоятельно аргументируютъ свою точку зрѣнія на обязательное обученіе городскихъ дѣтей избиратели города Вологды. Чтобы „бѣдныхъ купецкихъ малолѣтнихъ сиротъ“, заявляютъ они въ своемъ наказѣ, ...„по общему магистрата съ купечествомъ разсмотрѣнн, по благопристойности, кто къ чему будетъ и способенъ, обучать, хоша и не по ихъ желанію, но по истинному объ ихъ испощенію, кто къ чему способенъ разсмотрѣнн, на возможномъ хлѣбомъ и платьемъ удовольствіи, отъ коликихъ и до каковыхъ лѣтъ“⁵⁾. Съ наиболѣе суровыми мѣрами по данному вопросу выступаютъ составители Архангелогородскаго наказа: „предписать всѣмъ

¹⁾ Ibid., т. 14, стр. 201.

²⁾ Ibid., т. VIII, стр. 35.

³⁾ Наказъ отъ жителей гор. Архангельска. Ibid., т. 123, стр. 48.

⁴⁾ Наказъ отъ жителей гор. Вязьмы. Ibid., т. 134, стр. 105.

⁵⁾ Ibid., т. 134, стр. 105.

гражданамъ“, строго и рѣшительно говорятъ они.—„чтобъ они дѣтей своихъ обоего пола безъ всякаго изъятія подѣ чувствительными штрафами російской грамотѣ и катехизма учили бы“¹⁾. Рязское купечество является сторонникомъ еще болѣе крутыхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Называя школьное ученіе „нужнымъ и благоугоднымъ дѣломъ, которое человѣка совершеннымъ и государству полезнымъ дѣлаетъ“, оно предлагаетъ тѣхъ родителей, которые будутъ „отъ онаго дѣтей своихъ укрывать и въ школы не отдавать, штрафовать на содержаніе сихъ школъ, да сверхъ того, который изъ сихъ дѣтей, согласясь потачкѣ отца своего и матери, съ школы сойдетъ безъ воли и отпуску главнаго учителя, тому, въ силу 1714 г. именного указа, запретить жениться“²⁾.

Что же касается до самой организаціи учебныхъ заведеній для дѣтей купеческаго сословія, то она городскимъ избирателямъ и депутатамъ 1767 года рисовалась въ слѣдующихъ очертаніяхъ. Такъ, во время обсужденія законовъ о купечествѣ въ общемъ собраніи большой комиссіи выступилъ депутатъ Любимскаго дворянства, Толмачевъ, который, ссылаясь на 377 ст. Наказа, полагалъ, что „должно учредить для мѣщанъ училище, въ которомъ обучать русской грамотѣ и изъясненію государственныхъ законовъ... въ большихъ же городахъ учредить высшія училища, въ которыхъ сверхъ вышесказаннаго обучать нѣмецкому и англійскому языкамъ и мореплаванію“³⁾. За школы двоякаго типа—элементарнаго и повышеннаго характера—высказываются и жители города Архангельска.

„Учредить малыя школы“, предлагаютъ они въ своемъ обширномъ наказѣ—„для которыхъ государственнымъ закономъ повелѣно-бъ было, кому надлежитъ сочинить и издать въ печать, съ размѣромъ дѣтскому разумѣнію, катехизма, единственно на словѣ Божьемъ утверждающагося, и для изъясненія онаго издать краткія священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта исторіи изъ лучшаго въ семъ родѣ авторовъ, и таковыми книгами снабдить оныя школы“⁴⁾. Эти элементарныя школы предназначались для дѣтей обезпеченныхъ слоевъ городского населенія; „для бѣдныхъ же городскихъ дѣтей архангелогородскій наказъ предлагалъ учредить особливую школу, гдѣ бы они могли безъ платы обучаться“⁵⁾. Но для такого крупнаго торговаго пункта,

¹⁾ Ibid., т. 123, стр. 431.

²⁾ Ibid., т. 123, стр. 480; *ibid.* 144, стр. 251.

³⁾ Ibid., т. 8, стр. 36.

⁴⁾ и ⁵⁾ *ibid.*, т. 123, стр. 480.

какимъ былъ г. Архангельскъ, конечно, такихъ школъ было недостаточно. Онъ нуждался въ хорошо поставленныхъ коммерческихъ училищахъ; вотъ почему объ открытіи подобнаго рода учебныхъ заведеній онъ и возбуждаетъ ходатайство въ своемъ наказѣ: „учредить для купецкихъ людей и для способныхъ изъ бѣдности большую школу“, читаемъ мы въ немъ—„во оной обучать дѣтей по желанію отцовъ, которымъ однако-жъ оное желаніе вперяť магистратъ обязанъ, тѣмъ ученіямъ и языкамъ, въ которыхъ купечество нужду чувствуетъ“¹⁾. Конечно, и въ другихъ городахъ съ развитой торговой дѣятельностью потребность въ хорошей постановкѣ коммерческаго образованія ощущалась довольно остро и настоятельно.

„Здѣшнее купечество, прибѣгая къ несомнѣнной надеждѣ и неизреченной щедротѣ Ея Императорскаго Величества“, говорятъ въ своемъ наказѣ москвичи—„всеподданнѣйше просить, чтобъ высочайше повелѣно было здѣсь учредить училища, гдѣ не токмо достаточныхъ купцовъ дѣти на иждивеніи отцовъ своихъ и матерей, но и малолѣтнія сироты на содержаніи всего здѣшняго купечества разнымъ языкамъ, бухгалтерству и прочимъ купечеству необходимымъ наукамъ и званіямъ обучаемы были“²⁾. Жители г. Ряжска горячо ратуютъ за то, чтобы магистратамъ „непремѣнно“ предписано было „о воспитаніи дѣтей прилагать всевозможное стараніе, дабы они обучены были сверхъ искуснаго понятія закона и письма, арифметикѣ, бухгалтеріи, навигаціи и геометріи, а сверхъ того и о прочихъ принадлежащихъ до коммерціи наукахъ стараться; если жъ кто изъ сихъ дѣтей высокимъ наукамъ непонятенъ окажется, таковыхъ обучать ремесламъ и художествамъ, кто къ чему склоненъ и охотенъ окажется, дабы никто безъ науки въ праздности не закоснѣлъ“³⁾. Слѣдовательно, ряжскіе городскіе избиратели стремились поднять культурный уровень не только верхнихъ слоевъ городского торговопромышленнаго населенія, но и того ремесленнаго люда, для котораго профессиональная выучка была столь же необходима, какъ для купечества „принадлежащія до коммерціи науки“. Такимъ образомъ горожане, особенно жители наиболѣе крупныхъ торговопромышленныхъ центровъ высказывались за учебныя заведенія профессиональнаго, преимущественно коммерческаго типа.

¹⁾ Ibid. т. 123, стр. 480.

²⁾ Ibid., т. 93, стр. 134.

³⁾ Ibid. т. 144, стр. 251.

Само правительство стояло почти на той же точкѣ зрѣнія и отстаивало необходимость учрежденія специальныхъ учебныхъ заведеній для представителей промышленнаго класса, стараясь придать этимъ школамъ нѣкоторую сословную окраску. Такъ Бергъ-коллегія указывала на настоятельную потребность въ горномъ и плавильномъ кадетскихъ корпусахъ, „въ которые“, читаемъ мы въ ея наказѣ—„и заводчики дѣтей своихъ, хотя и не могущіе никакою службою быть обязанные, отдавать должны, дабы всякій правящій заводами имѣлъ въ дѣлѣ своемъ надлежащее свѣдѣніе“¹⁾. А одинъ изъ правительственныхъ депутатовъ въ комиссіи, Межениновъ, во время обсужденія законовъ о купечествѣ настаивалъ на надлежащей подготовкѣ капитановъ и штурмановъ для нуждъ торговаго мореплаванія. „Для обученія навигаціи“, говорилъ онъ 9-го октября 1768 года—„полезно было бы учредить при адмиралтействѣ штурманскую школу, въ которую принимать дѣтей бѣдныхъ купцовъ, а по обученіи ихъ помѣщать къ тѣмъ русскимъ купцамъ, которые ведутъ съ чужими державами торгъ и отпускаютъ туда свои корабли“²⁾. Стоя на стражѣ внутренней и внѣшней торговли, какъ представитель Коммерцъ-коллегіи, Межениновъ настаивалъ такимъ образомъ на учрежденіи новаго специального учебнаго заведенія типа мореходныхъ классовъ.

В. Бочкаревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Ibid., т. 43, стр. 201.

²⁾ Ibid., т. 8, стр. 73.